

ТЕАТР ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

К ГАСТРОЛЯМ ТЕАТРА ИМЕНИ ВАХТАНГОВА В ТАШКЕНТЕ

Говорят, что театр живет только до тех пор, пока в нем играет первое поколение — его создатели, а потом либо совсем умирает, либо превращается в совсем иной театр. За пятьдесят лет что только не смелится — здание и капеллы, главные режиссеры и любимые публики. И — не одно поколение зрителей. Но Вахтанговцы — настоящие хранят свою хорошую «память театра». Эта хорошая память — в том, что с уходом Вахтангова и его учеников (трудно гово-

рить о смерти таких великолепных, живых актеров и режиссеров) Бориса Щукина, Рубена Симонова — и театре продолжают жить их создания.

Живет, перешагнув за вторую тысячу представлений (это уникальный в мировом театре случай), «Принцесса Турандот». Живет в мовых декорациях, с современной московской гостиной «Поски» на заднике, напоминающей об условном месте действия старой сказки, и с прежней, простенькой и чуть прихотли-

вой, немного смеющейся и, немного грустной музыкой. Живет с такой же неуловимой и обаятельной, как эта музыка, Юлией Борисовой — Турандот, сменившей в чреде актрис первую — Цецилию Мансурову. С мужественным принцем Калафом — В. Лановым, сменившим первого принца — Юрия Завадского, давно уже ставшего известным режиссером.

Живет память о Борисе Щукине, гениальном актере, впервые сыгравшем роль Ленина. Эта память живет, может быть, неброско — но живет в том, что заново по-

ставлен в театре «Человек с ружьем», а в кино снят «Егор Булычев», и обе удивительные роли совершенно по-своему, со своим открыто пахлестывающим темпераментом, как будто и далеким от мягкой лукавинки и интентной напряженности Щукина, играет другой замечательный артист — Михаил Ульянов.

Живет память о Рубене Симонове, бессменном главном режиссере театра, впрямую — в его спектаклях и косвенно — в его учениках. А в первую очередь — в его преемнике и нынешнем главном режиссере театра Евгении Симонове.

Как ни меняются театральные вкусы, моды и привязанности, любовь к Вахтанговскому театру, кажется, тоже стала традицией поколений — на этот раз зрительских. И то, что в галетных строчках должно сказать о Вахтанговцах, совершенно естественно складывается не только из традиционного перечня этапов и свершений, но и из запомнившегося для себя, лично дорогого.

А здесь в один ряд с «Турандот» или «Варшавской мелодией», становятся такие разнородные и такие близкие в своем человеческом обаянии — лениво про-

нический доктор — Юрий Яковлев из «Миллионерши» и нелепо разряженная, неуклюжая, некрасивая, неприкаянно несчастная, с трудом карабкающаяся по ступенькам к высокой человечности Меланья — Лариса Пашкова из «Детей солнца». В этот ряд становятся удивительное trio из поставленной — Е. Симоновым «Иркутской истории»: М. Ульянов, Ю. Любимов и звенящая, всех перекрывающая и всеми добровольно и талантливо поддерживаемая Ю. Борисова. Здесь одно из самых последних и самых сильных впечатлений — Ульянов — Антоний в шекспировской трагедии.

На сцене живет мощная трагическая личность, и актеру, привыкшему к сочной, исконно русской речи, не нужно становиться на ко-

турны, чтобы дотянуться до шекспировских стихов, — все в великом герое и человеке ему впору и по росту...

Вахтанговский театр — из тех, в которые даже самые рьяные поклонники новейшей драматургии или современных режиссерских исканий безотказно ходят «на актеров». И на тех, о ком мы уже вспомнили, и на других. И на Николая Плотникова, такого уютно-простого и так непросто думающего, такого понятного и такого неоднозначного, лишь недавно разделившего огромную кинославу своих коллег в роли неумолимо честного Ниточкина из фильма «Твой современник». Ходят на Николая Гриценко — ком ярчайшим образом «сфокусировалось» понятие актера-Вахтангов-

ца, изысканного, подвижного, не болящего сочного внешнего гротеска, владеющего ключом к разным жанрам и продолжающего (хотя только что исполнилось шестьдесят) играть в спектакле «Память сердца» эксцентрическую роль старого актера — с пением, танцами и чуть ли не акробатическими номерами.

В Вахтанговском театре идет пьеса А. Корнейчука «Память сердца». Эти слова как нельзя более точны в отношении того, что в как хотелось сказать об этом театре. И если не обо всем и не обо всех из многого интересного в театре сказано — так ведь память сердца не выбирает, а только подсказывает сложившееся в ней.

Т. РАВИНА,
театровед.